

МЕТАФОРА: КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ОЦЕНОЧНОСТИ

На основе критического анализа существующих когнитивных теорий метафоры рассматривается проблема сходства или аналогии как основа возникновения метафоры. Метафорическое сходство понимается не как реально существующее между объектами реальной действительности, а как явление интенциональной природы, определяющее в конечном итоге функциональность метафоры, в том числе и ее оценочный характер.

Ключевые слова: метафора, теория концептуальной метафоры, теория блендинга, сходство, интенциональность, оценочность.

Пожалуй, ни одно языковое явление не привлекало к себе столько внимания, начиная с самых истоков развития науки о языке, как метафора. Однако, действительно «всеобщей любимицей» она стала в 70-х годах XX столетия, после того как когнитивная лингвистика, во многом определяя развитие и других лингвистических дисциплин, определила ее как «основную ментальную операцию, как «способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [2, с. 30].

В рамках данной статьи нам бы хотелось, обратившись еще раз к центральным когнитивным теориям метафоры, в их критическом переосмыслении попытаться найти объяснение оценочности метафоры как одной из ее функций.

В настоящее время для объяснения метафоры как когнитивно-семантического феномена чаще всего используются две, конкурирующие между собой теории: теория концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона [5], [18] и теория блендинга М. Тернера и Ж. Фоконье [14], [15], хотя кроме названных существует целый ряд когнитивноориентированных теорий, которые образуют сложный научный прототип когнитивного подхода к изучению метафоры: когерентная модель метафоры [22] теория первичных метафор [16], коннективная теория метафорической интерпретации [21], теория метафорического моделирования [7], [8] дескриптивная теория метафоры [1].

Теория концептуальных метафор (уже не требующая, на наш взгляд, в силу своей известности подробного изложения) определяет метафору как способ и образ человеческого мышления, как незаменимый рациональный инструмент ориентации и постижения мира. Преодолев границы маргинального, орнаментального

и случайного, метафора из статуса языкового исключения переходит в статус когнитивного правила и определяется как одна из основных ментальных операций, базирующаяся на нашем опытном познании и в то же время обладающая огромным познавательным потенциалом. Согласно данной теории, процесс метафорической концептуализации заключается во взаимодействии между структурами двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). Однонаправленная метафорическая проекция сформировавшихся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром некоторых элементов области источника на области-цель ведет к переструктуризации последней.

Теория концептуальных метафор рассматривает метафору как стабильный, выражающий систематические отношения между двумя когнитивно-семантическими пространствами феномен, а последние (когнитивно-семантические пространства) – как сформировавшиеся, статичные образования, что в определенной степени снижает объяснительную силу этой теории и ее аппликативный потенциал, так как образование новых метафор происходит только потому, что между концептами должны существовать подвижные, динамические отношения, чем, собственно, и объясняются все виды процессов обучения и языковое творчество, в том числе и создание авторских метафор.

Развитием теории концептуальных метафор часто считается теория блендинга, в рамках которой авторы оперируют различными типами и степенями переработки когнитивно-семантических пространств: «источник» (source domain), «цель» (target domain), «общее пространство» (generic space) и смешанное про-

странство (blended space/ blends). Ж. Фоконье и М. Тернер понимают под блендингом концептуальную интеграцию, которая является основной и распространенной ментальной операцией (a basic and pervasive mental operation) [14, с. 77], а в обновленном варианте их теории – основную ментальную операцию высокой степени интеграции и воображения («Conceptual integration, which we also call conceptual blending, is another basic mental operation, highly imaginative but crucial to even the simple kinds of thought») [15, с. 18]. Последние качества (интеграция и воображение) являются результатом переплетения таких основополагающих когнитивных процессов, как осознание идентичности, сходства и различия на основе имеющихся у человека знаний.

Основная процедура блендинга заключается в смешении компонентов двух ментальных пространств с целью создания третьего, не являющегося, однако, суммой первых двух, а представляющего собой самостоятельную эмерджентную структуру. Концептуальная интеграция понимается, соответственно, как вид динамического создания сети знаний как ментального процесса. Таким образом, значительным преимуществом этого подхода является выделение динамических признаков, присущих блендингу, динамики, которая характеризует использование концептуального знания и может интерпретироваться как креативность в использовании имеющейся компетенции любого вида.

В этом же смысле должен рассматриваться и центральный процесс в рамках теории блендинга – перенос («mapping»), а именно как понимание, как творческое использование имеющихся знаний, в том числе и в языковом оформлении. Решающим в блендинге является порождение новых когнитивно-семантических структур, функция которых состоит в расширении, изменении обновлении способа интеллектуального использования знаний, в том числе и в целях языковой коммуникации.

Авторы данной теории полагают, что концептуальный блендинг играет решающую роль в человеческом мышлении и человеческих действиях и тем самым порождает разнообразие видимых манифестаций этого когнитивного процесса. Теория блендинга логично представляется как общая теория человеческого мышле-

ния (а не только метафоры), так как блендинг, по мнению, авторов, отвечает за результаты человеческой деятельности в языке, искусстве, религии, науке и за повседневное мышление¹.

В основе своей когнитивные теории, признавая за метафорой статус когнитивно-семантического феномена, основанного на приобретенном в процессе познания окружающего мира опыте/знании, отличаются статичностью или динамичностью его представления: метафора описывается или как когнитивно-семантическое образование или как когнитивная процедура. Так, Кёвецес (Kövecses), следуя Дж. Лакоффу и М. Джонсону, является скорее статиком, утверждая, что концептуальная метафора состоит из двух концептуальных областей (доменов), одна из которых понимается в терминах другой. Концептуальная область является при этом результатом последовательной организации опыта [16, с. 4]. В этой связи традиционная формула метафоры «X есть Y» подтверждает статичное понимание когнитивно-семантических образований. Но уже то обстоятельство, что наше знание организовано в большие по объему структуры, что обеспечивает возможность практического использования этого знания, является достаточным свидетельством того, что наше знание должно пониматься не только как статичное. В этом смысле более близка к истине формула Клауса Бринкера «X есть Y в контексте C» [11], передающая динамичный характер когнитивно-семантических образований. Д. Ричи в рамках своей коннективной теории метафорической интерпретации также указывает на необходимость анализировать метафоры в когнитивном и коммуникативном контексте, предполагающем детализированную репрезентацию коммуникативной ситуации и предшествующий опыт ее участников [21]. Понимание метафор определяется как общими знаниями и убеждениями участников коммуникации, так и специфическим, уникальным индивидуальным контекстом говорящего. В этой связи указание на лингво-когнитивную практику говорящих является исходным пунктом для интегрирующего когнитивно-дискурсивного подхода. И если активность говорящего играет роль для объяснения лингво-когнитивных процессов и феноменов, то признак обоих про-

¹ Об использовании концепта блендинга не только при анализе метафор см. [7].

цессов, и когнитивного, и дискурсивного – динамика – должна стать принципиальным признаком описания вообще, а не только для особых феноменов, таких как метафора.

Приняв статус когнитивного правила, метафора по праву может пониматься и как «коммуникативный (дискурсивный) оператор» в любом виде языковой коммуникации [12, с. 124]. Это свойство метафоры определяется ее чрезвычайной динамичностью и гибкостью, вследствие чего она и может принимать различные формы в процессе речевого общения. В этом смысле и следует говорить о изначально когнитивных свойствах метафоры, а именно быть инструментом переработки имеющегося знания, например, в процессах оценивания; в своем роде «конструктором» мира, участвуя в процессах категоризации и концептуализации, а также «мостиком» для понимания, являясь средством номинации трудно постижимого. Таким образом, эти три функции – обработки имеющегося опыта, структуриации мира в нашем сознании и понимания, являются основными когнитивными функциями метафоры, которые могут иметь свои производные в конкретных коммуникативных ситуациях.

Когнитивная лингвистика показала, что сущность метафоры заключается отнюдь не в выявлении разницы между словарным и переносным значением. Традиционные подходы, основываясь на идее сходства, вели именно к аргументации этой разницы. Предлагаемый в рамках сравнительной теории метафоры метод парафразы далеко не всегда срабатывает, поскольку не может достаточно ясно выразить идею сходства.

Следует, однако, признать, что понятия сходства и аналогии и далее активно рассматриваются сегодня в современной когнитивной лингвистике как феномены познания, участвующие в когнитивно-семантических процессах. Античному пониманию метафоры как реального сходства объектов, на котором базируется метафора, некоторые ученые – представители когнитивного направления – противопоставляют иную трактовку этой категории. Утверждается, что метафора представляет собой процесс, с помощью которого это сходство не находится, как утверждал Аристотель, а создается и затем воспринимается [10, с. 66], [4, с. 112].

Несмотря на привлекательность этой, собственно, не новой идеи² в ней, на наш взгляд, слишком много противоречивого. Если метафора создает сходство, то на основе чего образуется она сама? Каким образом можно сначала создать сходство (без восприятия), а затем его воспринять, если речь идет об одной и той же «арене действия» – человеческой когнитивной системе? Признавая ошибочность трактовки сходства как объективно существующего между объектами, мы все же склонны полагать, что «метафорическое» сходство находится, а не создается. Поясним нашу точку зрения.

К аналогии как принципу познания мы обращаемся в том случае, если что-то выходит за границы нашего телесного опыта или есть что-то невидимое и потому сложное для понимания. Концептуализация того, что не находит прямого отношения к человеку, осуществляется посредством установления аналогии, или сходства с человеком, о чем свидетельствуют многочисленные онтологические концептуальные метафоры и, конечно, метонимия. Именно в этом смысле сходство рассматривается как доминантное отношение между концептами (см. [23]) и не только в концептуальной метафорике, а как вообще структурирующий феномен в когнитивно-семантических пространствах. Объясняется это тем, что комплексное восприятие действительности, лишенное (в отличие от понятийного) иерархических связей признаков [3, с. 145], предполагает соотношение предметов и явлений друг с другом на основании их ассоциативных связей, в том числе сходстве, а не по существенным признакам. Именно поэтому метафора как феномен, формирующийся по законам комплексного мышления, основывается на ассоциативном сходстве. Иными словами, речь в данном случае должна идти не об объективно существующем сходстве между объектами, метафора должна пониматься как процесс, с помощью которого такое сходство создается, воспринимается и лексикализируется. Если принять, что между концептом как отображением объекта в нашем сознании и самим объектом (референтом) нет полного соответствия (что сегодня является лингвокогнитивной аксиомой), то сходство между объектами есть результат когнитивного процесса переработки имеющихся знаний, при-

² Ср. с утверждением Г. Вейнриха о создающей роли метафоры, создающей сходство: „daЯ unsere Metapher gar nicht wie die alte Metaphorik wahrhaben wollte, reale oder vorgedachte Gemeinsamkeiten abbilden, sondern daЯ sie ihre Analogien erst stiften, ihre Korrespondenz erst schaffen und somit demiurgische Werkzeuge sind“ [24, с. 309].

сущий исключительно человеческому сознанию. То, что видится как схожее или подобное, зависит от того, какой опыт по воспринимаемому объекту приобрел человек, и какое знание о нем он в итоге имеет. Именно поэтому речь не может идти об объективно существующем сходстве между объектами, а лишь о принципиальной способности нашего мышления, таким образом организовывать знания, чтобы это сходство стало доступным для осознания. Метафоры не являются выражением сходства между концептами в смысле «что-то видится как что-то», а в смысле «что-то должно видеться, как что-то» [9], то есть сходство интерпретируется согласно метонимическому принципу: «видеть = понимать». Конвенциональность метафоры, ее «долгая жизнь в языке» наделяет ее способностью программировать наше восприятие объектов исходя из их обозначений. Именно поэтому мы уверены, что «носик» чайника действительно похож на человеческий нос, хотя в реальности существуют и другие объекты, быть может, гораздо более похожие на эту загнутую кверху и выдающуюся вперед часть чайника.

Особое значение, на наш взгляд, имеет модальность обозначенного выше принципа – «что-то должно видеться, как что-то». Проиллюстрируем действие этого принципа в процессе метафорической концептуализации на нескольких примерах из немецкоязычной художественной литературы.

(1) «Du bist meine geliebte Tochter und Helen meine geliebte Frau, ihr seid das Fundament meines Lebens, euch liebe ich.» [20, с. 72]

(2) «Doch selbst als der Krieg seine Krallen zeigte, vermochte mich der Kampf als inneres Erlebnis bis hin in meine letzten Stroßtruppführertage zu faszinieren.» [17, с. 54].

Выражения фундамент жизни в (1) и когти войны в (2) есть результат метафорической концептуализации идеи (в смысле некоего знания) СЕМЬЯ – ОСНОВА/ФУНДАМЕНТ (в жизни человека) и ВОЙНА – ХИЩНЫЙ ЗВЕРЬ. Метафорическая концептуализация является причиной появления дополнительной семантики: в первом случае – надежность, во втором – хищность. В зависимости от того или иного подхода эту семантику можно рассматривать как блендинг или только как общее пространство, но и в том, и в другом случае именно выделение определенных признаков и как следствие порождение новой семантики и составляет основу того,

о чем идет речь при метафоризации и что делает образование метафоры и ее употребление тем, что оно есть: метафора есть выделение того, что в ходе процессов языковой референции является значимым как некоторое знание, обладающее как содержание лексической единицы определенным интенциональным дискурсивным потенциалом. Именно в этом смысле и утверждается принцип метафорического сходства как «что-то должно видеться (пониматься) как что-то».

Интенциональность является, на наш взгляд, важным категориальным свойством метафоры, определяющим ее дискурсивный потенциал. Метафора может менять вид интенциональности (и это особые случаи рассмотрения метафор в историческом аспекте: ср. метафору КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПАРОВОЗ в известной советской песне «Наш паровоз вперед летит, в коммуне остановка»), но ее (интенциональности) не может не быть в метафоре, как не может не быть интенциональной любая коммуникация. На этот счет существуют, однако, и другие точки зрения. Так, К. Байснер, выделяя инновативные, конвенциональные и лексикализованные метафоры [10, с. 66] по степени «стертости», связывает процесс «омертвления» метафоры с потерей речевого намерения. По ее мнению, интенциональностью обладают лишь инновативные метафоры, остальные – застывшие в своей словарной форме – ее теряют и, как следствие, стираются, блекнут, становятся «мертвыми». В качестве примера конвенциональных метафор ею рассматриваются лексемы Rentnerschwemme и Asylantenflut. Основанные на выделении семантического элемента ‘большой объем, представляющий опасность’, оба метафорических выражения, несмотря на свою конвенциональность однозначно маркируются в немецком языке как лексемы с отрицательной оценкой и как таковые воспринимаются носителями немецкого языка. В этой связи вполне логичен вопрос, задаваемый Г.-Г. Дрессигером: если знание интенции при употреблении метафоры теряется, то каким образом большинство «стершихся» метафор и сегодня сохраняют свою оценочность [12, с. 142]? Это видно и из приведенных нами примеров. В первом случае (1) речь идет о конвенциональной лексикализованной метафоре, поскольку лексема Fundament имеет зафиксированные в словаре (как, в прочем, и заимствованное русское существительное фундамент) два значения: 1) бетонное или каменное основание

дома и 2) базис, опора, основа. Но, несмотря на это, оценочное употребление данной лексемы в контексте высказывания определяется достаточно однозначно.

Таким образом, метафоры как выражения метафорических концептов, какой бы степенью конвенциональности они не обладали, не могут терять интенцию языкового употребления в той или иной дискурсивной области, поскольку иначе не состоится и сама коммуникация.

Безусловно, не все метафоры в языке являются оценочными, так же как и не все речевые высказывания имеют целью выражение оценочного отношения говорящего. Номинативные метафоры, выполняющие в языке номинативную, или идентифицирующую функцию (Mantelgesetz – обрамляющий закон, содержащий только общие положения, Mantelgeschoss – пуля с оболочкой), не связаны с оценочностью. Их интенциональность находится в иной коммуникативной плоскости. Хотя и здесь все может вдруг поменяться, как только намерение говорящего «задаст» лексической единице совершенно другую коммуникативную задачу: «Ach, komm! Was gibt es hier zu lernen? Es ist nur ein Mantelgesetz!». Аналогично дескриптивным лексическим единицам (см. подробнее [6]) номинативные метафоры также могут служить средством выражения оценки, что обусловлено актуализацией соответствующим контекстом (авторским намерением) определенных семантических элементов, как части знания, представленного данной метафорой. Во фреймовой модели семантики эти элементы представлены как нетипичные, актуализируемые не по умолчанию, а под воздействием определенного контекста. В случае с метафорой Mantelgesetz этим элементом является «обобщенный характер содержания», имплицитный далее признак «простота восприятия»: «Mantelgesetz – Rahmengesetz – Gesetz als allgemeine Richtlinie ohne Festlegung von Einzelheiten» [13].

В языке существует также большое количество метафор, совмещающих в себе функцию номинации и оценки, которые в силу своей конвенциональности в определенной степени потеряли яркость образа и могут называться стертыми, но не утратили своего оценочного характера (своей интенциональности), оценочный элемент является типичным в их фреймовой структуре и обуславливает их соответственное употребление и понимание: в русском языке – демографическая

яма, дорожный коллапс, теневая экономика в немецком – уже упоминавшиеся выше Rentnerschwemme, Asylantenflut, а также Schattenwirtschaft, Schmiergeld (подчеркнуты метафорические части, обуславливающие оценочность всей лексемы) и др. Стирание образа ведет к снижению экспрессивности, но не к потере оценочности.

Этим двум группам противостоят предикативные метафоры, выполняющие функцию характеристики и оценки, среди которых в отдельную группу можно выделить конвенциональные, закрепленные в системе языка и зафиксированные словарем: Waschlappen (Mann, der (im Urteil des Sprechers) zu nachgiebig ist, seine Meinung nicht entschlossen vertritt), Schlappschwanz (Mann, der (im Urteil des Sprechers) ohne Willensstärke, Energie, Kraft ist), Straßenfeger (eine fesselnde, spannende Fernsehsendung, die viele Fernsehzuschauer heranzieht, so dass die Straßen leer sind) [13] (подчеркнуты семантические элементы оценочного характера), и авторские, не зафиксированные в словаре, отличающиеся новизной, хотя ее степень также может быть различной в зависимости от того, насколько часто взаимодействуют участвующих в метафоре концептов: Kriechtier (по отношению к человеку) и eine leere Hülse (по отношению к музыке).

Обобщая сказанное, выделим еще раз основные параметры, определяющие сущность метафоры. К таковым относятся:

- повсеместность (неограниченность той или иной областью языка или человеческой деятельности);
- ментально-языковая представленность;
- системность как одной из основных когнитивных моделей, обеспечивающих
- структурирование знаний о мире,
- познание неизвестного и трудного для восприятия,
- переработку имеющегося опыта (вторичное осмысление);
- статично-динамичный характер представляемого знания;
- дискурсивность (формула X есть Y в контексте C);
- ассоциативный характер сходства, выделяемого на основе имеющегося знания об объектах;
- интенциональность как категориальное свойство.

19.09.2013

Список литературы:

1. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003. – №2. – С. 73 – 94.
2. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург. – 2007. – С. 16-32.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь // Проблемы общей психологии: Собр. соч. в 6 томах. – М. – 1992. – С. 6 – 361.
4. Лебедева С.В., Зубкова О.С. Метафора как лингвосомиотическая модель: Семиогенез и интеракциональные возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №3. – С. 112 – 120.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
6. Солодилова И. А. Оценка как вид когнитивной деятельности и компонент лексического значения // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – №11. – С. 86 – 93.
7. Хрущева О. С. Блендинг в системе словообразования // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – №11. – С. 95 – 101.
8. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. 238 с.
9. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
10. Beißner K. I see, what you mean – Metaphorische Konzepte in der (fremdsprachigen) Bedeutungskonstruktion. – Frankfurt a. Main: Lang. – 2002. 278 S
11. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. – Berlin: Erich Schmidt. – 4. Auflage – 1997. 150 S.
12. Drößiger H.-H. Metaphorik und Metonymie im Deutschen. – Hamburg: Verlag Dr. Kovari, 2007. 370 S.
13. Duden Bedeutungswörterbuch. – 2., völlig bearb. u. erweitert. Auflage. Herausgegeben von W. Müller. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1985. – 797 S.
14. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration network. In: Cognitive Science 22 (2). – 1998. – P. 133-187.
15. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think. Conceptual Blending and the Minds Hidden Complexities. New York: Basic Books. – 2002. 37 p.
16. Grady J., Taub S., Morgan S. Primitive and compound metaphors // Conceptual structure, discourse and language. – A. Goldberg, Stanford. – 1996. P. 267 – 290.
17. Grass G. Mein Jahrhundert. 3. ungekürzte Ausgabe. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2002. – 383 S.
18. Kövecses Z. Metaphor. A Practical Introduction. – Oxford: University Press – 2002. 285 p.
19. Lakoff G. Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London; The Univ. of Chicago Press. – 1980. 276 p.
20. Mueller-Stahl A. Hannah. 2. Auflage. – Berlin: Taschentuchverlag GmbH. – 2006. – 134 S.
21. Ritchie D. «ARGUMENT IS WAR» – Or is it a Game of Chess? Multiple Meaning in the Analysis of Implicit Metaphors // Metaphor and Symbol. – 2003. – №2. – Vol. 18. P. 233 – 244.
22. Spellmann B., Ullman J., Holyoak K. A. Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // Journal of Social Issues. – 1993. – Vol. 49. P. 147 – 165.
23. Taylor J. R. Cognitive Grammar. New York: Oxford University Press. – 2002. 456 p.
24. Weinrich H. Semantik der kühnen Metapher. // Sprache in Texten. Stuttgart: Ernst Klett. – 1976c. – S. 295 – 316.

Сведения об авторе:

Солодилова Ирина Анатольевна, декан факультета филологии

Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 4202, тел. (3532) 372430, e-mail: solodilovaira@rambler.ru

UDC 81–119

Solodilova I. A.

Orenburg state university, e-mail: solodilovaira@rambler.ru

METAPHOR: COGNITIVE BASIS OF VALUATION

The article deals with the problem of identity and analogy as the foundation of metaphor creation which is regarded with the help of cognitive metaphor theories being critically analyzed. Metaphoric identity of real objects is considered not as a really existing quality, but as a phenomenon of intentional origin which finally defines the functionality of metaphor and its evaluative character.

Key words: metaphor, theory of conceptual metaphor, blending theory, identity, intentionality, evaluative character.